

НЫНѢШНІЙ СЕВАСТОПОЛЬ

(изъ дорожныхъ записокъ).

I.

(Отъѣздъ изъ Одессы. — Носильщикъ и дрожечникъ. — На пароходѣ. — Отъ Евпаторіи до Севастополя).

. . . . . Въ главной конторѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли мнѣ сказали, что пароходъ отходитъ въ Крымъ 12-го числа (сентября) въ 12 часовъ дня. Въ назначенный день, за часъ до отхода, я беру перваго попавшагося извозчика и ѣду въ агентство, на дворѣ котораго застаю много дрожекъ и повозокъ и толкотню народа. Едва извозчикъ успѣлъ остановить лошадей, какъ явились передо мной носильщики, предлагая свои услуги и, точно безсмертные Бобчинскій и Добчинскій, старались другъ передъ другомъ рассказать мнѣ — какіе слѣдуетъ взять билеты, кто ихъ выдаетъ и гдѣ и т. д. Отправляюсь на поиски. Послѣ долгаго ожидания наконецъ мнѣ выдали билетъ, подержали на вѣсахъ мои вещи и выдали другой билетъ, а на вещи приклеили марку. Иду я расплатиться съ дрожечникомъ, и съ удивленіемъ вижу, что носильщики принесли мои вещи обратно и положили въ дрожки.

— Это зачѣмъ? спрашиваю.

— Пароходъ стоитъ на концѣ мола, и нужно туда ѣхать.

Нечего дѣлать. Сажусь на дрожки и говорю «ступай!»

— Позвольте и мнѣ съ вами, просить одинъ носильщикъ, — я снесу ваши вещи на пароходъ.

Но оказывается, что негдѣ присѣсть.

— Ну, такъ я побѣгу за вами, — рѣшилъ носильщикъ, и бросился со всѣхъ ногъ впередъ. А бѣжать приходилось, думаю, съ четверть версты, если не болѣе.

Извозчикъ приударилъ лошадей, и, въ одно время съ носильщикомъ, я приѣхалъ къ пристани, около которой красовался «Аргонавтъ». Мѣстные носильщики, о чемъ то между собой разговаривав-

*

шіе, завидя пришлеца не изъ ихъ прихода, стали браниться; нѣкоторые же принялись толкать и прогонять.

— Чего ты сюда угодился! кричалъ ему здоровый парень: мало тебѣ тамъ заработковъ, сюда прибѣгъ! чтобъ тебя чѣртъ побралъ, паршивая ты голова! прогоните его, братцы!

Прибѣжавшій вскинулъ на плечи мои вещи и думалъ итти на проломъ, но ему загородили дорогу. Брань со всѣхъ сторонъ и крѣпкія словца посыпались кругомъ. Бѣднякъ инымъ отвѣчалъ той-же монетой, но передъ другими молчалъ, взглядывая на нихъ смиренно и умильно. И между послѣдними нашлись заступники.

— Пущай, пущай его! уговаривали они товарищей: человекъ прибѣгъ сюды, да чтобъ не даромъ... пущай проходить!

— Носильщикъ понесъ вещи на пароходъ, говоря, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ, «а то затолкаютъ»; сдалъ ихъ на пароходѣ куда слѣдуетъ, указалъ, гдѣ какія каюты и гдѣ дверцы съ буквами *В. К.*

— Теперь все! замѣтилъ онъ подъ конецъ.

— Сколько же тебѣ дать? спросилъ я нарочно.

— Сколько вашей милости угодно.

— Нѣтъ, скажи.

— Дайте гривенничекъ... съ меня будетъ!

Я далъ 20 коп.; онъ много благодарилъ и пожелалъ счастливаго пути.

Для сравненія скажу теперь объ извозчикѣ. Дорогою этотъ господинъ смѣялся, рассказывалъ, жаловался на бездождіе и пыль; говорилъ, что не видитъ проку въ Одесско-Парканской чугункѣ; острилъ надъ новою мостовой, которую «начнутъ класть, а потомъ, глядишь перекладуютъ: въ томъ все и время, а мостовой-то и нѣтти». Вообще старался показать себя человекомъ добродушнѣйшимъ. Но какъ только я началъ вставать съ дрожекъ, лицо его понемногу омрачалось и наконецъ приняло грозный видъ. Онъ смотрѣлъ на меня искоса. Даю ему 40 коп.,—онъ подкидываетъ деньги въ рукѣ.

— Что это вы даете?... мы за столько не возимъ... это на смѣхъ.

— А за сколько же вы возите?

— По крайности за 75, а то и за рубль.

— Ты думаешь, что я не знаю: этихъ денегъ никто не даетъ, и я не дамъ.

— Дайте шестьдесятъ.

— И шестидесяти не дамъ.

— Ну какъ хотите, — и онъ сталъ давать назадъ мнѣ деньги.

— Что это? я не хочу, чтобъ ты возилъ меня даромъ. Я далъ тебѣ столько, сколько всѣ извозчики берутъ.

И я хотѣлъ уйти.

Извозчикъ вдругъ измѣнился, сталъ опять смѣяться и просилъ прибавить ему еще 10 коп.

— 40 коп. хозяину, а 10 мнѣ: будьте ужъ такъ добры...

На пароходѣ я засталъ страшный безпорядокъ и толкотню.

Багажъ пассажировъ складывается на палубѣ въ одну кучу. Пассажиры этимъ не довольны.

— Это ни на что не похоже! ворчитъ прихрамывающій, сѣденькій старичекъ, — пойдетъ дождь и всѣ вещи замочатъ! а не то случится воровство: палубныхъ пассажировъ довольно!

Вмѣсто 12 часовъ, пароходъ тронулся въ часъ безъ нѣсколькихъ минутъ. Я смотрѣлъ на Одессу, но ее не было видно. Одна исполинская туча пыли стояла надъ берегомъ. Облокотясь о перилы, я слѣдилъ за этой тучей, за исчезающимъ берегомъ. Впервые мнѣ приходилось птти въ открытое море, и на сердцѣ было какъ-то не обыденно.

Пароходъ стало понемногу покачивать.—Сегодня будетъ качка и хорошая! объявляетъ всѣмъ прихрамывающій старичокъ,—нужно отправиться заранѣе въ каюту.—За нимъ одинъ за другимъ стали уходить съ палубы пассажиры. На верху остался я, какая-то старушка и еще два купца. Пароходъ стало раскачивать болѣе и болѣе. Нужно было подумать объ удобномъ помѣщеніи на палубѣ, — въ каютѣ меня укачиваетъ сейчасъ же,—но какое тутъ удобное помѣщеніе? Положивъ подъ голову подушку, я легъ на скамьѣ, и такъ пролежалъ пока мы не пришли въ Евпаторію. Спать я не могъ, но лежалъ съ закрытыми глазами, чтобъ не видѣть раскачиваній парохода. Я ихъ только чувствовалъ, но эти ощущенія, выгонявшія всякую мысль изъ головы, были до такой степени скверны, что когда зазвенѣла якорная цѣпь, я обрадовался этому какъ школьникъ, высѣдѣвшій недѣлю въ карцерѣ, радуется полученію свободы.

Въ началѣ втораго часа ночи мы пришли въ Евпаторійскій рейдъ и бросили якорь. Луна стояла высоко въ небѣ и блѣдно освѣщала на лѣво отъ насъ, на самомъ краю берега, нѣсколько длинныхъ зданій, вѣроятно магазиновъ, и за ними куполь мечети. Болѣе ничего нельзя было разглядѣть. Тишина царствовала вокругъ, только тамъ гдѣ то во глубинѣ гавани, прямо противъ насъ, лаяла сонная дворняжка...

На палубѣ бѣгають два пассажира, чтобъ согрѣться, пролежавшіе все время, какъ и я, на скамьѣ.

— Здѣсь все живутъ татары да караймы, говоритъ одинъ изъ нихъ, указывая рукой на Евпаторію.

— А жидовъ нѣту?

— Нѣту; они сюда и не показываются.

— Отчего?

— Да оттого, что караймы не даютъ имъ развернуться.

Къ пароходу подплываетъ шлюпка.

— Надо большаго баркаса? кричатъ съ нея.

— Надо! надо! отвѣчаетъ капитанъ, да поскорѣй! мы давно ждемъ.

Шлюпка поспѣшно удаляется, мѣрно стуча веслами. На пароходѣ поднимается возня; нѣсколько пассажировъ собираются съѣхать на берегъ... Я ухожу въ каюту и, не смотря на грохотъ и визгъ цѣпей, топотъ и говоръ, засыпаю богатырскимъ сномъ.

Когда я проснулся на другой день, и вышел на палубу, солнце уже взошло и освѣщало бѣдную картину. Къ видѣннымъ вчера магазинамъ и мечети прибавилось нѣсколько зданій за ними, верхушка колокольни, крестъ церкви, да въ вершинѣ залива рядъ стоящихъ полукругомъ надъ берегомъ множества вѣтряныхъ мельницъ. «Аргонавтъ» разводилъ уже пары. — Около семи часовъ мы снялись съ якоря. Утро разыгралось великолѣпное. Море едва колышется, будто нехотя. Мы идемъ скоро (Аргонавтъ лучший ходокъ компаніи), оставляя за собою нескончаемую блестящую полосу, по сторонамъ которой играютъ дельфины, то обгоняя пароходъ, то далеко отставая отъ него. На лѣво на горизонтѣ въ лиловомъ туманѣ рпсуются горы. Мы держимъ ближе къ берегу, — и вотъ передъ нами Севастопольскія высоты... Пассажиры выходятъ на палубу, и съ явнымъ любопытствомъ осматриваютъ ихъ.

— А вонъ... то что за пирамида на горѣ: она уже давно видна? спрашиваетъ молодой человекъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Это памятникъ надъ могилами нашихъ воиновъ, отвѣчаетъ ему сосѣдь.

— А много нашихъ тамъ лежитъ? спрашиваетъ молодая дамочка.

— Тысячъ двѣсти наберется, сударыня, — отвѣчаетъ тотъ же господинъ.

Дама вздохнула.

Между тѣмъ мы входили на рейдъ. Гляжу на часы, — нѣту и десяти часовъ. Скоро пришли! Пока становились на якорь, я успѣлъ бросить взглядъ на Сѣверную сторону и развалины Южной, облитыя лучами солнца. Такъ вотъ это онъ, славный Севастополь, захлѣбнувшійся въ русской крови! Однѣ развалившіяся стѣны зданій, между которыми выются пустыя улицы, на пристани счетомъ шесть человекъ, пришедшихъ встрѣчать пароходъ... Что было здѣсь десять лѣтъ назадъ?... Воспоминанія хлынули толпой, какъ вода прорвавшая плотину, сердце болѣзненно сжалось... «Я чувствовалъ, что русскій былъ».....

II.

(Исканіе г. П. — Шалость телеграфа. — Памятникъ. — Храмъ. — Французское сѣно. — У гг. С — выхъ. — Прогулка по Севастополю. — Сонъ).

Остановясь въ *Гостиницѣ Ветцель*, находящейся недалеко отъ Графской пристани, я поспѣшилъ переодѣться и сейчасъ отправился отыскивать оставшаго вице-адмирала П., къ которому имѣлъ письмо.

— Гдѣ домъ П.? спрашиваю я у перваго встрѣчнаго.

— П. въ городѣ нѣту; онъ живетъ теперь у С — хъ возлѣ Константиновскаго *).

*) Т. е. Константиновскаго форта. Въ Севастополѣ не говорятъ: Константиновскій фортъ, Графская пристань и т. п., а просто: «Константиновскій», «Графская» и проч.

— Какъ же къ нему пробраться?

— Очень просто: возьмите яликъ у Графской.

Поблагодаривъ знакомаго, я отправился на Графскую приставь, и увидалъ до десятка яликовъ, — допотопныхъ, неуклюжихъ, выкрашенныхъ въ черный или зеленый цвѣтъ, или совсѣмъ неокрашенныхъ. Владѣльцы ихъ частью сидѣли на берегу и о чемъ-то вели оживленный разговоръ, а частью, живописно раскинувшись въ яликѣ, дремали. Когда я къ нимъ подошелъ, они вскочили съ своихъ мѣстъ, и каждый сталъ предлагать свою лодку. Я сѣлъ въ ту, которая стояла ближе другихъ. — Едва мы отвалили отъ берега, какъ ялишникъ, отгадавъ, что я пріѣзжій, сталъ указывать на мѣста бывшихъ батарей. Мы плыли мимо какого-то ветхаго суденышка безъ мачтъ.

— Это вытасченный изъ воды транспортъ «Липанъ», — замѣтилъ ялишникъ, — съ него теперь работаютъ водолазы.

— А то что за судно на боку?

— Австрійское... Въ бурю 1861 года на Екатерины, — о страшная была буря! просто ужасы! — его загнало сюда съ моря и выкинуло на берегъ... больше года уже его купилъ съ аукціона за 1,200 руб. здѣшній купецъ Телятниковъ.

— Развѣ оно годится?

— Годится: обшивша мѣдная, ну и само судно новое.

— Что же оно не исправляется?

— А кто его знаетъ! вѣрно такъ и сгнѣтъ на берегу.

Добрый П. встрѣтилъ меня весьма радушно и, послѣ двухъ-трехъ словъ, повелъ представлять хозяевамъ дома, которые оставили у себя обѣдать. — Г. С — въ — начальникъ Константиновской батареи. Говоря о настоящихъ плохихъ временахъ, онъ упомянулъ, что въ настоящую минуту и онъ не знаетъ, гдѣ ему прійдется жить, такъ какъ орудія съ батареи велѣно снять и отправить частью въ Николаевъ, а частью въ Потю, а будутъ ли на мѣсто отсылаемыхъ поставлены другія — неизвѣстно. По поводу отправления орудій въ Потю, г. С — въ — рассказалъ слѣдующій телеграфическій казусъ. Получаетъ онъ недавно изъ Симферополя депешу и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Въ депешѣ буквально говорится: *орудія предназначенныя потиснуть*. Что это такое? думаетъ г. С., и даетъ депешу женѣ, — не мерещится ли у него въ глазахъ и не доберется ли она до смысла? Жена понимаетъ еще меньше его. Беретъ г. С — въ депешу опять въ свои руки и придумываетъ. Наконецъ ему приходитъ въ голову, что депешу нужно толковать такъ: *орудія, предназначенныя въ Потю, снять*. Полученная на другой день повѣрочная депеша оправдала это толкованіе. — Впрочемъ, это не первая невѣрность телеграфа. Ихъ было обнародовано довольно. Только прежде думали, что телеграфъ ошибается единственно по частнымъ депешамъ, а рассказанный случай доказываетъ, что у телеграфа нѣтъ исключенія и для казенныхъ, что онъ любитъ равенство.

Послѣ обѣда П. повезъ меня показывать Сѣверную сторону и строящійся надъ могилами севастопольскихъ героевъ памятникъ —

храмъ. Памятникъ этотъ, какъ извѣстно, ничто иное, какъ церковь византійскаго стиля, имѣющая наружную форму пирамиды, возведенной въ римскомъ стилѣ. Пирамида увѣнчается громаднымъ гранитнымъ крестомъ, вѣсомъ до полуторы тысячи пудовъ. Высота памятника 18 сажень. Памятникъ — храмъ этотъ былъ заложенъ въ сентябрѣ 1857 г.; въ настоящее время онъ оконченъ въ чернѣ. Остается только внутренняя отдѣлка, да крестъ, который предполагается поставить въ непродолжительномъ времени. Мѣсто для храма выбрано чрезвычайно удачно. Какъ съ крыльца мавзолея открывается живописный видъ, такъ и мавзоль видѣнъ отовсюду; гдѣ бы вы ни стали — въ самомъ Севастополѣ или далеко въ его окрестностяхъ, передъ вашими глазами явится, какъ на ладони, пирамида, напоминая, что вы ступаете по землѣ, напитанной человѣческой кровью...

Возлѣ памятника мы увидали строителя, архитектора Авдѣева, приказывающаго что-то рабочимъ, которые суетились. Отъ него узнали, что на завтрашній день (14-го сент.) ожидается прїездъ Е. И. В. Наслѣдника, и что къ этому времени слѣдуетъ установить одну икону, привезенную изъ Парижа и, къ сожалѣнью, перебитую въ дорогѣ на двое. Икона дѣлана на лавѣ и такимъ образомъ, что не боится ни огня, ни воды. — Г. Авдѣевъ былъ такъ добръ, что повелъ насъ въ свое помѣщеніе — небольшой каменный домикъ, отстоящій отъ мавзолея въ нѣсколькихъ шагахъ, — показать рисунки внутренняго вида храма и нѣкоторыя изъ иконъ, работы Неффа и г-жи Макухиной, нашей южной извѣстности. Не успѣли мы разглядѣть послѣднихъ и перекинуться съ любезнымъ хозяиномъ словомъ-другимъ, какъ его позвали къ рабочимъ, и мы, не желая быть помѣхой, поспѣшили проститься.

Взглянувъ затѣмъ на шлифующійся крестъ для мавзолея и на строящійся гранитный памятникъ кн. Горчакову, и поклонясь праху героевъ-мучениковъ, мы отправились назадъ по другой дорогѣ.

— Что это такое? спросилъ я у П., когда мы ѣхали мимо двухъ большихъ, по видимому, скирдъ сѣна.

— Это французское сѣно въ тюкахъ.

— Какимъ образомъ оно сюда попало?

— Послѣ войны. Когда уходили французы, это сѣно (половина его уже распродана) купилъ у нихъ нѣкто Соколовъ по пяти копѣекъ. кажется, за пудъ, — 25 коп. за тюкъ, въ тюкѣ пять пудовъ, — и теперь продаетъ въ неурожайные годы, беря по 40, 60 и болѣе копѣекъ за пудъ.

— И сѣно не испортилось?

— Ничуть. Снаружи только, пальца на два, оно почернѣло, но въ срединѣ зеленое, душистое, и скотъ ѣстъ его охотно. Каждый тюкъ, какъ видите, стянутъ накрестъ двумя желѣзными обручами, и сѣно слеглось такъ плотно, что тюкъ составляетъ одну цѣльную массу; большаго труда стоитъ разбить его.

Минувавъ пзушки, сколоченныя во время осады, и перестраи-

ваемую изъ французскаго барака церковку, я замѣтилъ на днѣ оврага двѣ насыпи въ видѣ плотинъ и спросилъ объ нихъ.

— Это какой-то купецъ, объяснилъ мнѣ П., думалъ устроить вывощку соли, но не умѣлъ взяться за дѣло и вышла чепуха.

Вечерній чай остался я пить у С—выхъ. Предметомъ разговоровъ, между прочимъ, былъ французъ Вудонтъ, личность, извѣстная всему югу и замѣчательная въ своемъ родѣ. Объ немъ я расскажу въ своемъ мѣстѣ, когда коснусь посѣщенія мною Георгіевскаго монастыря.

Луна давно уже взошла, когда я простился съ любезными хозяевами и съ П. Приготовленная для меня гичка уже ожидала у берега, — я сѣлъ.

Константиновскій фортъ быстро удалялся, а на встрѣчу бѣжала Графская пристань и изъ за нея привѣтно свѣтилъ огонекъ въ окнѣ «Гостинницы Ветцель»...

Въ обѣденной залѣ гостинницы я засталъ нѣсколько моряковъ. Сначала у нихъ шла рѣчь объ ожидаемомъ приѣздѣ Е. В. Цесаревича, а потомъ они заговорили о полякахъ. Вначалѣ ихъ слушалъ съ любопытствомъ, а потомъ съ докторомъ Б. изъ Одессы, ѣхавшемъ увидѣть южный берегъ, я пошелъ бродить по Севастополю. Я не помню ничего грустнѣе этой прогулки. Мрачно смотрѣли разваливающіяся стѣны домовъ, облитые палевымъ луннымъ свѣтомъ; глухо повторяло эхо въ этихъ стѣнахъ звуки нашихъ медленныхъ шаговъ. Воздухъ тепелъ и недвижимъ; не шелохнется ни одна травка. Вокругъ насъ и далѣе мертвая тишина; даже лай собачьяго не слышно. Казалось, что бродишь по кладбищу.

— Если намъ грустно бродить между этими развалинами, замѣтилъ докторъ, — то каково должно быть тѣмъ, которые здѣсь родились, выросли и жили? Что до меня, то я могу понять въ настоящую минуту ихъ чувства... И вѣдь скоро минетъ десятокъ лѣтъ; нельзя, чтобъ не произошло переменъ къ лучшему; — что же здѣсь было сейчасъ по уходѣ непріятелей! Досадно и больно!

Я молчалъ. Не сказавъ другъ другу ни слова, мы прошли черезъ малый бульваръ, иначе бульваръ Казарскаго; молча осмотрѣли памятникъ Казарскому, уцѣлѣвшій во время осады, молча прочли надпись на немъ: *Потомству съ примѣръ*; пришли въ гостинницу, молча пожали другъ другу руки и разошлись по номерамъ. Повторяю, что грустнѣе этой прогулки я не помню... Въ комнатѣ мнѣ показалось душно; я отворилъ окно и долго, долго глядѣлъ на пустынный рейдъ и мелькавшіе огни створныхъ знаковъ...

Ночью мнѣ приснилось, что я съ Б. стою у памятника Казарскаго. Здѣсь и тамъ грохочутъ пушки и взрываются бомбы. — Что это за странныя пятна на памятникѣ? говоритъ Б. Я присматриваюсь и узнаю, что пятна кровавыя. — Странный духъ въ воздухѣ, говоритъ Б. — Я втягиваю струю воздуха и мнѣ чудится запахъ человѣческой крови... Просыпаюсь и вижу, что я лежу безъ подушки, которая упала на полъ. Голова не много болитъ....

Таковъ былъ пріемъ, оказанный мнѣ Севастополемъ.

III.

(Приѣздъ Е. И. В. Наслѣдника. — Севастопольскій базаръ. — Пекарня Михея. — Отсутствіе серебра. — Лавки и магазины. — Питейные дома. — Водка и вино. — Въ почтовой конторѣ. — Разговоръ со спутникомъ о разныхъ разностяхъ севастопольскихъ. — Губернаторская канцелярія. — Заговоръ противъ бѣглянки).

На другой день, 14-го сентября, приѣхалъ Е. И. В. Наслѣдникъ. По этому случаю я имѣлъ возможность видѣть все севастопольское население, толпившееся на Графской и на площади передъ Екатерининскимъ дворцомъ. Какъ оно не велико! Большинство дамъ было одѣто болѣе чѣмъ просто; ни одного богатаго наряда не попалось мнѣ на глаза. Я искалъ хорошенькихъ личекъ и насчиталъ ихъ всего пять; но за то я увидѣлъ красавицу караимку, которая одна могла собою замѣнить сотню хорошенькихъ. Что за лицо, что за выраженіе этого лица! Я видѣлъ, кажется, это самое лицо на одной изъ картинъ «великихъ мастеровъ».

Е. И. В. Наслѣдникъ подѣхалъ около 11-ти часовъ прямо къ памятнику — храму, отслужилъ надъ прахомъ вояновъ панпхиду, потомъ осмотрѣлъ Сѣверное укрѣпленіе, госпиталь, Константиновскую батарею, и оттуда на катерѣ перебрался на Южную сторону. Народъ его привѣтствовалъ; солдаты прошли по площадкѣ церемониальнымъ маршемъ. . . . Послѣ обѣда Е. И. Высочество осматривалъ городъ. Вечеромъ бульваръ, Графская пристань и дома, къ ней прилежащія, были иллюминированы. Передъ дворцомъ играла военная музыка, но только не долго. Въ девять часовъ она была отпущена, дворецъ стали заперать, и народъ почалъ расходиться. Вслѣдъ за толпою и я отправился на бульваръ, прислушиваясь къ говору. — Какой же, мать моя, онъ сердечный худой! говорила одна старушка другой. — Его Высочество, какъ служили панпхиду, прослезился, — передавалъ мѣщанинъ другу. — Что значитъ, что такъ рано отпущена музыка? спрашивалъ позади меня голосъ. — Съ дороги, такъ отдохнуть нужно, а по твоему какъ!? отвѣчало нѣсколько голосовъ на это.

На бульварѣ полицейскіе тушили уже плашки и, вслѣдствіе этого, толпа рѣдѣла. Она собиралась вовсе не для того, чтобъ погулять, насладиться великолѣпнымъ луннымъ вечеромъ, и расправитъ свои согбенныя спины; она приходила видѣть зрѣлище и скоро разошлась, недовольная тѣмъ, что зрѣлище скоро прекратилось.

Однако я разболтался совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ мнѣ говорить. Возвращаясь къ Севастополю, съ которымъ мнѣ хочется васъ познакомить на столько, на сколько я съ нимъ успѣлъ познакомиться въ свое кратковременное пребываніе. — Если бы вы какимъ нибудь чудомъ, не видя развалинъ и пустыхъ улицъ, очутились прямо на базарѣ, вы получили бы самое превратное понятіе о Севастополѣ. Вы подумали бы, что находитесь, если не въ многолюдномъ городкѣ, то во всякомъ случаѣ въ городкѣ живомъ и живущемъ. Базаръ великъ, т. е. великъ по Севастополю; на немъ со-

средоточена, можно сказать, вся жизнь Севастополя. Здѣсь только вы и увидите движеніе. На базарѣ по своему богатству и обширности замѣчательнъ фруктовый рядъ. Въ хлѣбномъ ряду вы увидите громадныя черныя хлѣбы въ пудъ и 1½ пуда вѣсомъ, продающіеся по фунтамъ. Недалеко отъ базара находится пекарня — лучшая въ Севастополѣ, Михея Сергѣева, извѣстнаго кратко подъ именемъ «Михея». Однажды идя мимо, я зашелъ въ пекарню. На полкахъ лежали булки, большія и маленькія, сухари и крендели, а внизу въ ящикахъ была выставлена для продажи разная мука, макароны и рядомъ съ нимъ овесъ. На прилавкѣ, за которымъ стояла молодая брюнетка, разсчитывавшаяся съ покупателями, лежали пѣзья горы мѣдныхъ денегъ. Иной покупатель бралъ на 10 коп., давалъ рублевую бумажку, и получалъ сдачи 90 коп. трехкопѣечниками.

— Неужели у васъ нѣтъ серебра? спросилъ я.

— Его нѣтъ не только у насъ, его нѣтъ давнымъ давно во всемъ Севастополѣ. Мы и забыли объ немъ.

Разспрашивая потомъ у многихъ, наконецъ получая самъ вездѣ сдачу мѣдью, я убѣдился въ совершенномъ отсутствіи серебра въ Севастополѣ. Но за то вмѣстѣ съ нашими полновѣсными «мѣдьюками» ходятъ въ немъ безпрепятственно австрійскіе крейцеры.

Идя изъ центра города на базаръ, вы непременно пересѣчете *Большую Морскую* улицу. Улица эта въ былое время была одна изъ щегольскихъ улицъ города. Она и теперь отстроена больше и лучше другихъ улицъ, и лавки, магазины и проч. находятся единственно на ней. Я говорю: лавки и магазины, но вы изъ этого пожалуйста не заключите, что ихъ много. Такъ называемыхъ магазиновъ здѣсь не болѣе четырехъ. Иную вещь вы можете въ нихъ купить очень дешево, но за то товары, привозимые изъ Одессы, продаются дорого по причинѣ высокой перевозной платы, назначенной Рус. Обществомъ Пароходства и Торговли. Лучшій изъ магазиновъ — модный магазинъ купца Дехтѣрева; но въ немъ, такъ какъ въ пекарнѣ Михея сухари и овесъ, вы найдете золотыя и брилліантовыя вещи рядомъ съ чаемъ и сахаромъ, дѣтскія игрушки рядомъ со спичками, готовую обувь — съ посудой и т. д. Все это показываетъ, что одного рода торговль магазиновъ существовать не можетъ, что движеніе торговли нѣтъ.

Мануфактурная торговля Севастополя находится вся въ рукахъ каранновъ.

Въ Севастополѣ есть модистка «изъ Одессы». Есть кондитеръ и фотографъ; оба они помѣщаются на Морской улицѣ въ деревянныхъ постройкахъ въ родѣ ярмарочныхъ балагановъ. — Интересно бы знать — какую они имѣютъ прибыль?

Несмотря на мертвенность Севастополя, есть одинъ родъ торговли, который повидимому процвѣтаетъ. Я разумѣю торговлю въ заведеніяхъ съ вывѣскою «распивочно и на выносъ». Заведенія эти разбросаны по всему Севастополю. Бродя по городу, я принялся разъ считать и насчиталъ болѣе 25 вывѣсокъ съ «распи-

вочною надписью», какъ выражается одинъ мой знакомый. Меня увѣрили, что число питейныхъ заведеній доходитъ теперь до *двухсотъ*; а въ прошедшемъ году оно не превышало пятидесяти. Въ инья я заходилъ и спрашивалъ — держать ли они вино?

— Нѣтъ; вина никто не пьетъ.

— Какъ такъ? вино дешевле водки...

— Вина кварта стоитъ 30 коп., а водки 50 коп., иначе пьютъ больше водку.

— Отчего же это? объясните пожалуйста.

— Оттого что водка сейчасъ забираетъ, а вино нѣтъ; вина нужно выпить втрое больше противъ водки, чтобъ опьянѣть... вотъ оно-то на дѣлѣ и выходитъ, что вино дороже водки...

— Развѣ непременно нужно напиться пьянымъ?

— А какое же безъ того будетъ гулянье, если выйдешь, какъ воды напился!?

— И вина совсѣмъ не пьютъ?

— Пьютъ, но мало; держать не стоитъ...

И подобные отвѣты я слышалъ не въ одномъ Севастополѣ; я слышалъ ихъ въ Балаклавѣ, Ялтѣ, Симферополѣ и другихъ городахъ. Во время откупной системы вина потреблялось несравненно больше; причиною этого, какъ видно, кромѣ дороговизны водки, была ненависть къ откупамъ. — Теперь водка съ успѣхомъ конкурируетъ съ виномъ, и будь она въ одной цѣнѣ съ послѣднимъ, она убила бы его окончательно.

На третій день по приѣздѣ моемъ въ Севастополь, я зашелъ въ почтовую контору. — Контора помѣщается въ двухъ комнатахъ, грязныхъ, неподметенныхъ. Въ шкапу всѣ письма лежатъ въ кучѣ, неразобранныя. Въ первой комнатѣ происходитъ выдача и приемъ простой корреспонденціи, во второй — страховой.

— Пришла сѣверная почта? спрашиваю.

— Пришла.

— Потрудитесь посмотрѣть — нѣтъ ли мнѣ письма? — и я назвалъ себя.

— Нѣту! отвѣчаютъ мнѣ, несправясь.

— Я проѣзжій, вамъ легко забыть мою фамилію... потрудитесь пересмотрѣть письма, — упрашиваю я.

— Мы и такъ помнимъ!

— Но сдѣлайте одолженіе...

Чиновникъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ беретъ пачку писемъ и раздѣляетъ на двое. Одну половину даетъ мнѣ, а другую пересматриваетъ самъ. Письма ко мнѣ дѣйствительно не оказываются. Такъ велика память почтоваго чиновника или мала корреспонденція Севастополя!

Изъ почтовой конторы я хотѣлъ пройти въ канцелярію мѣстнаго губернатора, чтобы взять подорожную: изъ Севастополя въ Ялту я намѣревался ѣхать сухимъ путемъ. Пока я стоялъ на мѣстѣ и соображалъ — куда мнѣ направиться? ко мнѣ подошелъ смуглый господинъ лѣтъ 35, съ большою черною бородою.

— Можно ли прямо по этой улицѣ пройти въ канцелярію губернатора? обращаюсь я къ нему.

— Можно. Идите прямо, а потомъ повернете на лѣво.

Я сталъ подниматься на гору.

— А вотъ я сдѣлалъ свое дѣло и, если угодно, могу провести васъ въ канцелярію, — послышался сзади меня голосъ, и смуглый господинъ поровнялся со мною.

— Поднялись ли въ цѣнѣ мѣста на дома съ утвержденіемъ Московско-севастопольской желѣзной дороги? спросилъ я.

— Цѣна мѣстъ и домовъ не увеличивается, а падаетъ... жители-то погорячились сначала, какъ только война кончилась, и дѣйствительно тогда платилось по 1,500, 2,000 и больше рублей за мѣсто, а теперь много мѣстъ роздаетъ казна даромъ: лишъ бы строились!... Вы видѣли большой домъ возлѣ квартиры губернатора, что стоитъ безъ крыши и безо всего — одинъ стѣны, и надпись на немъ: *сей домъ продается за 900 руб. сер.*? Домъ вѣдь дѣйствительно хорошъ, и если его разобрать, то можно выстроить порядочный домикъ въ семь оконъ; — ну такъ этотъ домъ теперь можно купить за 400—500 р. Цѣна-то была выставлена впервоначалѣ! Какъ будетъ чугунка, то само собою, что мѣста и дома будутъ въ цѣнѣ, а пока ничего не видно... Намедни мнѣ говорили, что получена изъ Питера отъ хозяевъ депеша: не продавать этого дома, что я сейчасъ говорилъ, меньше 2000 р. Хорошо. Пущай не продаютъ, ну а покупаетъ ли кто?! Коли бы то чугунка, дѣло пошло бы иначе, а что теперь, то только рукой махни! Еще вотъ и война... вы не слыхали ли о войнѣ?

Я отвѣтилъ, что зналъ.

— Такъ и всѣ говорятъ.

— Торговля здѣшняя какова?

— Торговля-то?—Что ни на есть плохая! купцы не выручаютъ затраты. Видѣли вы на новомъ базарѣ лавочки? порядочныя вѣдь? — онѣ счастливы, коли продадутъ на 5—6 руб. въ день...

— Много теперь жителей въ Севастополѣ?

— Наберется тысячи четыре.

— Сколько объявлено капиталовъ?

— Богъ ихъ знаетъ! да по нимъ нельзя судить...

Здѣсь я долженъ прервать собесѣдника, чтобы подѣлиться съ читающимъ тѣми свѣдѣніями о торговомъ сословіи города, какія мнѣ удалось добыть послѣ. Въ Севастополѣ считается: потомственныхъ почетныхъ гражданъ — 2, купцовъ первой гильдіи — 153, второй — 140, окладныхъ — 6. Изъ нихъ: русскихъ — 198, грековъ — 16, нѣмцовъ — 7, иностранцевъ — 7, иностранныхъ гостей — 3, армянъ — 12, каранмовъ — 48, татаръ — 1, евреевъ — 3. Мѣщанъ — 892 ревизскихъ души м. п. Большинство какъ тѣхъ, такъ и другихъ, мѣщанъ и купцовъ, живя и ведя промыселъ въ другихъ городахъ, только *числятся* въ Севастополѣ для пользованія льготой.

— Кто у васъ городской голова? продолжалъ я спрашивать спутника.

— До поры Телятниковъ.

— До какой поры?

— А до такой, что у насъ никогда еще не было такого общества, какъ теперь! (Спутникъ начиналъ горячиться, видно задѣтый за больное мѣсто), дрянъ дрянью! — простите за сравнение... нѣтъ никакого единодушья! сообща не дѣйствуютъ!.. Каждый нарываетъ дѣйствовать по своему, самъ по себѣ, и какъ по богаче, на другихъ не смотритъ, съ другими не знается, чванится и окромѣ всего этого старается безпримѣнно надуть другаго... ну и ничего не выходитъ!.. да и выйти не можетъ! — И надувательство другъ друга, я вамъ скажу, здѣсь въ такомъ ходу, что Боже упаси... Прежде было куда не въ примѣръ лучше!.. А на счетъ надувательства я вамъ расскажу вотъ послѣдній примѣръ: когда убрался Американъ *), мы увидѣли, что бухту все-таки нужно очистить; одинъ человѣкъ эвтаго сдѣлать не можетъ, — общество и взяло эту работу на себя и подписалось на прошеніи царю. Выходитъ разрѣшеніе на очистку рейда, требуютъ 40,000 обезпеченія... денегъ разомъ не сберешь, — просимъ на годъ отсрочки. Отсрочку дали, а прошелъ годъ — взяли за дѣло только двое: Телятниковъ и Долголенко... Только сталъ дѣйствовать одинъ Телятниковъ, затратилъ капиталъ, — а между тѣмъ...

— А вотъ и канцелярія губернатора! воскликнулъ вдругъ спутникъ неожиданно, указывая на окна двух-этажнаго каменнаго дома, къ которому мы подошли, — прощайте-сь!

Я вошелъ во дворъ. На право стояли сарай, а на лѣво въ углѣ двора, подъ особымъ навѣсомъ, какая-то женщина въ чепцѣ, лѣтъ 36, похожая на чиновницу или на экономку стараго холостяка, мыла въ ночевкахъ бѣлье. Полное лицо раскраснѣлось, на засученныхъ рукавахъ мыло, на волосахъ, которые она ежеминутно поправляла, тоже мыло.

— Гдѣ здѣсь канцелярія губернатора?

— Какого? спрашиваетъ въ свою очередь эта сомнительная дама, нереставъ полоскаться.

— Здѣшняго.

— А какъ его фамилія?

Я назвалъ.

— А давно онъ здѣсь?

— Этого не знаю.

*) *Американомъ* въ Севастополѣ называютъ американца Гоуэна, великолѣпно надувшаго насъ на очисткѣ мѣстной гавани отъ затопленныхъ судовъ. Наше простодушье, чтобъ не сказать болѣе, дало *Американу* возможность приобрести сотни тысячъ, оставивъ насъ при томъ, при чемъ мы и были: съ засоренною гаванью. — Въ Ялтѣ мнѣ удалось видѣть эту интересную личность, и тамъ мнѣ говорили, что Гоуэнъ хлопочетъ и надѣется взять какую нибудь работу въ Керчи. Если онъ ее и возьметъ, то неужели и на этотъ разъ мы покажемъ свое простодушье во всей его идеальной прелести?

ть
е-
ли
гъ
гъ
у-
гъ
го
гъ
...
а-
ся
ь;
ло
гъ
е-
ку
п-
п-
т-
го
гъ
гъ,
ю-
на
и-
ная
ико-
овъ.
ость
: съ
лич-
скую
разъ

— А можетъ слышали?
— И не слыхаль.
— Ну такъ здѣсь нѣту.
— А не слыхали ли вы гдѣ она? спрашиваю я какъ можно почтительнѣе.
— Канцелярія?
— Да, да!
— Нѣтъ!... я съ живодерами не знаюсь!
Едва я раскланялся съ любознательною незнакомкой, какъ на меня напала, богъ-вѣсть откуда выскочившая, стая дворняжекъ.
— Проводи, шельма! закричала дама на тринадцатилѣтнюю хорошенькую дѣвочку, вышедшую изъ дверей направо съ пухлымъ ребенкомъ на рукахъ.
Дѣвочка покраснѣла: ей было стыдно передъ незнакомымъ человѣкомъ.
Выйдя изъ воротъ, я столкнулся съ смуглымъ господиномъ.
— Пожалуйте сюда, я вамъ не такъ показаль... давно здѣсь былъ и забылъ... канцелярія вонъ здѣсь внизу; на лѣво будетъ дорожка надъ обрывомъ, — вы и пройдете по ней.
— Очень вамъ благодаренъ; но будьте такъ добры — докончите свой разказъ.
— И радъ бы, да долга исторія, а времени нѣту: спѣшу по дѣлу.
Въ губернаторской канцелярии меня удивила необыкновенная чистота, рѣдкая въ подобныхъ мѣстахъ. За длиннымъ столомъ въ другой комнатѣ сидѣлъ чиновникъ, читавшій только что полученные номера С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Чиновникъ попросилъ меня садиться и предложилъ газету.
Минуты черезъ три послѣ того, какъ я отдалъ свой паспортъ, мнѣ принесли подорожную и громадную книгу.
— Напишите пожалуйста вотъ здѣсь свою фамилию, было сказано мнѣ такъ вѣжливо и мягко, при указаніи на одну графу, какъ будто я, написавъ фамилию, дѣлалъ великое одолженіе.
Спустясь по камнямъ на Морскую улицу, я пошелъ на Графскую пристань. Вотъ таможня, агенство Р. Общества Пароходства и Торговли, и, недоходя его, подъ навѣсомъ помѣщается квасникъ. Вчера въ это самое время я проходилъ мимо и видѣлъ и слышалъ нижеслѣдующее.
— Такъ пожалуйста удержи ихъ служивый, говорилъ мѣщанинъ солдату, стоявшему у воротъ.
— Я разъ тебѣ говорилъ уже, что надо сказать таможенному, — вонъ онъ пришелъ! чуть не кричалъ солдатъ.
— Завтра прійдетъ на пароходъ паренъ съ дѣвкою, такъ вы ихъ удержите пожалуйста, — обратился мѣщанинъ къ таможенному, который будто не слышитъ его, смотря въ даль пзъ-подъ руки.
Молчаніе.
— Куда-жъ они поѣдутъ? лѣнливо спрашиваетъ наконецъ таможенный.